

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теперь, когда авторы, пишущие о психоанализе, с уровня эдипального невроза (oedipal neurosis) в своих исследованиях перешли к более ранним и глубоким уровням нарциссизма, они сталкиваются с удивительным разнообразием открытий, сделанных Мелани Кляйн и ее коллегами, а также Фейрберном, Винникоттом, Балинтом и другими аналитиками, входившими в Английскую школу объектных отношений. Их исследования, в свою очередь, опирались на еще более ранние исследования Абрахама, Фрейда, Тауска и Федерна.

Для того чтобы понять раннее строение сознания, нам потребуется понимание ментальной организации и мировоззрения, которые его характеризуют. В этой книге делается попытка объяснения зачаточных состояний через описание происхождения и развития двух главных их архитекторов, расщепления и проективной идентификации. Я надеюсь, что смогу пролить свет на действие этих механизмов и проиллюстрировать их уникальную роль в раннем развитии личности. При этом я постараюсь провести различие между нормальными и ненормальными аспектами расщепления и проективной идентификации, а также показать, как они порой сотрудничают, а порой борются друг с другом. Показав, что они идентичны, я надеюсь раз и навсегда разрешить споры о различии между проекцией и проективной идентификацией.

Вероятно, нужно сказать несколько слов о моем выборе приоритетов в изложении тем, а именно о том, что я сначала обращаюсь к *расщеплению*, а только потом к *проективной идентификации*. Многие годы моим основным интересом в клинической работе была проективная идентификация. Эта книга начиналась как попытка дать исчерпывающее объяснение ее сложностям. Однако постепенно я пришел к осознанию, что расщепление слишком часто принимается как данность не только мной самим, но и многими аналитиками, поэтому я решил пересмотреть свои взгляды на него. Его приоритет в книге свидетельствует в пользу моего решения. Но все равно нужно постоянно помнить, что редко можно говорить об одном без другого.

Я вынужден предупредить читателя, что мой язык может показаться ему смешением знакомого и незнакомого. Я надеюсь, что читатели, знакомые с классическим психоанализом, будут чувствовать себя как дома, но я также надеюсь оказать гостеприимство и тем читателям, кто знаком с идеями Кляйн, Фейрберна, Винникотта и, в особенности, Биона, который был главным вдохновителем этой книги. Наконец, я пытался употреблять язык опыта, и сознательного, и бессознательного, чтобы лучше прояснить реальные события из клинической практики, связанные с расщеплением и проективной идентификацией. В язык опыта я включаю все феноменологические аспекты — чувства, воображение, зрительные образы, умозаключения — которые иначе принято называть *фантазиями* — в отличие от языка механистического описания или формального мышления. Когда Малер говорит о периодах аутизма, симбиоза и отделения-индивидуации, а Кернберг — о «приятных и неприятных образах объектов самости», я пытаюсь заменить их описательный язык феноменологической концепцией Мелани Кляйн, опирающейся на понятия параноидно-шизоидной и депрессивной позиции. Я надеюсь, что, примилив эти два языка: язык формального описания и феноменологический язык опыта, я получу третий, стреоскопически осмысленный и значимый язык достижения.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга многим обязана «Междисциплинарной группе по изучению психотических, пограничных и нарциссических расстройств», состоявшей из заинтересованных и увлеченных коллег, все они были либо психоаналитиками, либо испытывали влияние психоанализа. Изучая психозы, они пользовались не только методами психоанализа. Один из них был не только аналитиком, но и биохимиком; другой — еще и нейрофизиологом, третий — прославленным психологом-клиницистом, опубликовавшим множество работ о шизофрении; четвертый — профессором иммунологии в местном медицинском институте. Трое членов нашей группы основали Отделение психоаналитических исследований при Больнице Дель Амо, Торрэнс, Калифорния, где ведутся исследования психоаналитического подхода к лечению психотических случаев с использованием команд терапевт-менеджер.

Идеи, представленные в данной книге, — мои собственные, но они созревали в прекрасной среде. В группу входили: Айра Карсон, Нед Кован, Дьюк Фишер, Айвон Гэбор, Бернрад Хеллинджер, Джеймс Хьюз, Майкл Пол, Лиза Помрой, Уилльям Риклз, Дэвид Шумейкер, Гэри Трамп, Алфред Силвер, Фредерик Вейкер и Аллан Вейнер. Я всем им обязан.

Я также в долгу перед тремя моими аналитиками — доктором Робертом Джоклом (мой обучающий аналитик), доктором Айвонном Макгуайером и доктором Уилфредом Бионом — за то, что познакомили меня с классическим психоанализом, школой объектных отношений и Мелани Кляйн, а также помогли познать самого себя. Я бы выразить хотел особую благодарность доктору Биону за то, что познакомил меня с *моим собственным* языком опыта и вселил надежду, что я смогу приобрести *мой собственный* язык достижения. Доктору Алберту Мейсону я обязан за его руководство и обучение тому, что предполагает точка зрения Кляйн на расщепление и проективную идентификацию, и, хотя я прошел обучение как классический психоаналитик, мой опыт работы с докторами Бионом и Мейсоном продемонстрировал мне, какое важное

значение эти явления имеют в психоанализе. Отныне я считаю, что проведение анализа без них невозможно. В этой связи я должен признать свой долг перед Фрейдом и Кляйн. В более личном плане я в большом долгу перед последователями Кляйн за их под-сказки в ходе супервизий в течение многих лет. Среди них, помимо Биона и Мейсона, хочу упомянуть Бетти Джозеф, Дональда Мель-тцера, Герберта Розенфельда, Ханну Сигал, Ханса Торнера и Джо-на Уиздома. Я также благодарен моему дорогому другу, покойному Гарри Гантрипу, за то, что указал мне на важность концепции рас-щепления у Фейрберна, а позднее значительное влияние на меня оказал акцент, который делает на психологии самости Кохут. Как увидит читатель этой книги, я предпринимаю попытку рассмо-треть работы Кохута как дополняющие творчество Кляйн.

Я в особом долгу перед доктором Робертом Лэйнгом за его под-робные редакторские замечания к первому варианту «Проектив-ной идентификации», за то, что побудил меня дополнить его «Рас-щеплением», и, наконец, за его трудоемкий и кропотливый отзыв о книге в целом. Я выражаю безграничную благодарность доктору Фредерику Вейкеру за то, что он тщательно вычитал гранки, и за советы в отношении завершенного текста. Он взял на себя непо-сильный труд, и я никогда не забуду оказанную им помощь.

Я бесконечно благодарен моей жене и детям за поддержку, тер-пение и жертвы. Без них я бы не смог осуществить этот труд. Я также благодарен моему секретарю, миссис Черил Коул, за ее усер-дие и преданность, и покойному Питеру А. Тарарину, библиоте-карю Лос-Анджелесского Психоаналитического Общества и Ин-ститута за его кропотливый труд в подготовке библиографии для этой книги.

Часть 1. Расщепление

Таким образом, с каждым днем обе стороны моей духовной сущности нравственная и интеллектуальная все больше приближали меня к открытию истины, частичное овладение которой обрекло меня на столь ужасную гибель; я понял, что человек на самом деле не един, но двоичен. Я говорю «двоичен» потому, что мне не дано было узнать больше. Но другие пойдут моим путем, превзойдут меня в тех же изысканиях, и я беру на себя смелость предсказать, что в конце концов человек окажется всего лишь общиной, состоящей из многообразных, несхожих и независимых друг от друга сочленов.

Роберт Льюис Стивенсон.

«Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»

1. Расщепление: фундаментальная концепция

Расщепление обозначает одновременно универсальный феномен, по-разному проявляющийся на протяжении всей нашей жизни, и фундаментальный защитный механизм. Оно может быть определено как *деятельность, при помощи которой «я» видит различия внутри самости и ее объектов или между собой и объектами*. В перцептивном или когнитивном смысле происходит акт дискриминирующего отделения, тогда как с точки зрения защиты расщепление предполагает неосознанную фантазию, при помощи которой «я» может отщепить восприятие своего нежелательного аспекта или расщепить объект на два или более объектов для того, чтобы держать порознь поляризованные, несмешиваемые качества. «Я» также может расщепить внутреннее восприятие отношений объектов друг с другом или же может ощущать самость как расщепленную или фрагментированную силой, которая, как оно считает, лежит либо внутри, либо вовне личности. Именно в этом смысле, как я надеюсь показать в обзоре литературы (глава 2), употребляли данный термин Фрейд и многие из его последователей.

У концепции расщепления была интересная история в психоанализе. В девятнадцатом веке психиатры называли расщепление

«раздвоенным сознанием», и в «Исследованиях истерии» Брейер и Фрейд (1893-1895) тоже назвали «раздвоенным сознанием» феномен, который, кажется, действительно действовал во всех рассмотренных ими случаях. Хотя Фрейд поначалу уделял ему огромное внимание, часто ссылаясь на «расщепление сознания», с расцветом психологии импульса и защиты концепцию расщепления затмила концепция вытеснения. Тайна «раздвоенного сознания» была секуляризована, его демонические коннотации утрачены и в структурной теории «раздвоенное сознание» превратилось в «оно». Хотя в конце жизни Фрейд вернулся к изучению расщепления, мир психоанализа в основном взял эту концепцию на заметку только после роста интереса к нарциссизму, проявившегося в работах Хайнца Кохута и Отто Кернберга. Однако к этому моменту Мелани Кляйн вместе с У.Р.Д. Фейрберном использовали расщепление в качестве основы для совершенно нового ответвления психоанализа.

Расщепление можно рассматривать как, с одной стороны, ментальный механизм, а с другой, как опыт — или как способ переживать или *не* переживать опыт. Переживание опыта как правило требует отделения или отщепления объекта опыта от фонового опыта. Это различие, столь необходимое для когнитивной и перцептивной психологии, зависит от способности «я» отличать *фигуру* от *фона*, а затем различать дальнейшие подразделения качеств и количественные характеристики объекта. Эта способность к различению объектов опыта основывается на принципе различения, который обязан своим происхождением зачаточной способности «я» к расщеплению. У нормального расщепления есть эпигенез. Способность «я» расщеплять объекты восприятия зависит от способности младенца принимать *пассивный* опыт первичного расщепления, акт отделения при рождении. Как только первичное расщепление принято, младенец может *активно* проводить перцептивное (а позднее и когнитивное) расщепление своего объектного мира.

С точки зрения защиты расщепление может рассматриваться как активное или пассивное. Активное расщепление самости и объекта является интенциональным, независимо от того, сознательно оно происходит или бессознательно, тогда как в случае пассивного расщепления кажется, что оно «случается» как опыт фраг-

ментационной конфронтации с переполняющей реальностью. В клинических ситуациях и пациенту, и аналитику может быть трудно провести различие между активным и пассивным аспектами защитного расщепления, в особенности, если они избыточны.

Можно заметить, что зональные стадии развития участвуют в эпигенезе расщепления. На оральной стадии зубы активно отделяют одну часть объекта от другой, а за ними следуют органы чувств в готовности отделять друг от друга аспекты объекта в пространстве. На анальной стадии содержимое тела отделяется от «я», а позднее экскременты признаются бесполезными остатками, которые нужно отщепить (отделить) от переработанной еды. На фаллической стадии гениталии противопоставляются своей противоположности с точки зрения родителей и детей, и так происходит различение сексуальных идентичностей.

Отношения между расщеплением, вытеснением (первичным и вторичным) и объектными отношениями

Нормальное расщепление, будь то перцептивно-когнитивное, феноменологическое или защитное, зависит от связи с объектом. Как я надеюсь показать позже, концепция *контейнера и контейнируемого* (container and contained) у Биона (Bion, 1957a) — модель объекта, помогающая ребенку отобрать (расщепить на более удобные для использования компоненты) те аспекты коммуникации, в которых есть зачатки эмоциональности. Иными словами, родитель помогает ребенку трансформировать опыт организменной паники (Greenacre 1941, Mahler 1968, Mahler, Pine and Bergman, 1975) в сигнальную тревогу для адаптивной подготовки к будущим опасностям. Патологически пациент может ощущать, что он или она фрагментированы (патологически расщеплены), потому что им не удалось приобрести чувство самости благодаря эмпатически защищающему или поддерживающему объекту (объектам). Пограничный или психотический пациент, например, может верить, что его кожный покров не способен его сдерживать, и может самоопределяться через это неразвитое чувство своих границ — все это наследие неадекватной или недостаточной родительской заботы (не важно, реальное или фантазматическое). Таким образом, па-

тологическое расщепление, независимо от того, как оно переживается — как активное или как пассивное, указывает на слабый объект поддержки окружения. Сандлер (Sandler 1960) называл это безопасностью окружающей среды, а Винникотт (Winnicott 1963) — «матерью-средой» (environmental mother), отличной от «матери-объекта» (object mother). Кохут (Kohut 1971, 1977) называет эту концепцию «объектом самости» (self-object). В других работах (Grotstein 1979c, d, e, f, 1980b, c, d, e) я называю это Фоновым Объектом Первичной Идентификации (Background Object of Primary Identification).

В главе 6 я более подробно останавлиюсь на специфической роли Фонового Объекта Первичной Идентификации как на одном из трех различных объектов самости. Пока, я надеюсь, достаточно сказать, что нормальное расщепление, когнитивное, феноменологическое или защитное, — нарциссическая роскошь, завещанная эмпатическим объектом самости, которая служит ребенку в качестве безопасного фона и симбиотически помогает ему пережить безопасное отделение (первичное расщепление) от фонового объекта и в дальнейшем произвести расщепления «прямо перед собой», если так можно выразиться, в поле перцептивного обзора. *Первичное вытеснение*, таким образом, можно легко назвать *первичным расщеплением*, поскольку это связь или гарантия, учреждаемая между зарождающейся самостью и ее защитным объектом, чтобы последний сдерживал, фильтровал, смягчал или приглушал опыт этой самости, чтобы ей было легче существовать в мире. Таким образом, координирующее окружение (Винникотт) необходимо, чтобы младенец мог испытать контроль напряжения, сосредоточиться на приоритете неотложных потребностей и имел возможность отложить другие чувства.

Следовательно, поначалу расщепление переживается как вертикальный феномен, при котором младенец способен отделять одно чувство от другого, например хорошие и плохие чувства. С развитием веры в постоянство объекта ребенок получает возможность использовать объект как резервуар или контейнер для на время отложенных чувств (Bion 1957a). Приобретение постоянства объекта при депрессивной позиции отделения-индивидуации (подэтап сближения) позволяет переключиться с вертикального на горизонтальное расщепление, что также сопровождается топогра-

фическим расслоением сознания-бессознательного, в момент чего на смену расщеплению приходит собственно вытеснение.

Нейрологическая основа для вытеснения

Интересно, что расщепление может быть не только чисто ментальным феноменом, но может иметь параллель в нейрофизиологическом развитии центральной нервной системы. Газзанига и Леду (Gazzaniga and LeDoux 1978), среди прочих, выяснили, что мозолистое тело и глубокие мозговые спайки, соединяющие два полушария мозга, начинают миелинизироваться (а значит функционировать) только на третьем-четвертом месяце после рождения, и завершается процесс миелинизации только к подростковому возрасту. Депрессивная позиция, приписываемая Кляйн (Klein, 1940) третьему-четвертому месяцу после рождения, и стадии вылупления на пятом месяце у Малера (Mahler, 1971) любопытным образом коррелирует с этим открытием. Цель исследование Газзаниги и Леду — показать, что с точки зрения нейрофизиологии и феноменологии индивид, как представляется, два отдельных сознания и два отдельных мозга для обработки чувственных данных, один из которых — сенсорный, объективный, абстрактный и нейрофизиологический, а второй — пространственный, субъективный, примитивный и ориентированный на фантазию. Маклафлин (McLaughlin 1978) приписывает первичные процессы правому мозгу, а вторичные — левому.

Главное значение открытия Газзаниги и Леду для нас состоит в том, что они помогают понять, что врожденное расщепление может быть методом анестизирования опыта через удержание двух разумов-мозгов от слишком быстрой коммуникации друг с другом. Два разума-мозга для того, чтобы по отдельности обрабатывать данные с минимумом коммуникации между ними, указывают на то, что воздействие опыта может смягчаться или нейтрализоваться отсутствием глубины или трехмерности, так сказать. Медленное установление соединений между двумя этими разумами-мозгами ведет к медленному развитию стереоскопической бинокуляризации с точки зрения нейрофизиологии, что равносильно приобретению депрессивной позиции отделения-индивидуации с феноменологическим примирением. Было бы интересно

подумать, не пережили ли младенцы, обреченные позднее страдать от пограничных или психотических расстройств, в детстве катастрофу по причине преждевременного развития бинокуляризирующих спаек. (Grotstein 1979a, b, 1980d, e).

Категории защит

В других своих работах (Grotstein 1980b, c, d, e) я уже пытался провести различие между защитами, происходящими от детских неврозов, и защитами, происходящими от детских психозов. Я полагаю, что детский невроз начинается с параноидно-шизоидной позиции (аутистская и симбиотическая фазы) и использует психические механизмы расщепления, проективной идентификации, волшебного всемогущего отказа и идеализации. За ним следует депрессивная позиция отделения-индивидуации, характеризующаяся использованием механизмов интроекции, идентификации, унификации, примирения, маниакальных защит, вытеснения и его производных. Таким образом, детский невроз объясняет эпигенез от расщепления до вытеснения и характеризуется организационным феноменом откладывания (насколько позволяют невротические механизмы).

С другой стороны, детский психоз характеризуется отрицанием ментального опыта и разума, переживающего опыт (Bion 1959a). Психотические защиты в отличие от невротических направлены на то, чтобы уничтожить опыт и способность его переживать; таким образом, нет откладывания на будущее, а есть скорее искоренение прошлого и будущего через механизм отвержения, отрицания или негативной галлюцинации (Peto 1977). Расщепление и проективная идентификация, организованные детским неврозом и его способностью к откладыванию, фундаментальным образом отличаются от расщепления и проективной идентификации, организованных детским психозом и его тенденцией к отрицанию будущего и прошлого. Расщепление и проективная идентификация в этих случаях крайне дорого обходятся непротиворечивой личности, они ригидны и аморфны, зачастую становятся буйными и обостренными до крайности, и ведут к еще более ненормальному состоянию бездумности. Они всегда указывают на отсутствие фонового объекта безопасности (ущербное переживание объекта

самости), а, следовательно, на провал в преобразовании организменной паники в сигнальную тревогу.

Расщепление как защита

Центральная роль влечений к жизни и к смерти в психической жизни и их взаимодействие произвели такое глубокое впечатление на Мелани Кляйн, что она утверждала, что младенец должен поддерживать их в отделенном друг от друга и расщепленном состоянии. Ее наблюдения за младенцами и ее опыт в новой области детского психоанализа, который она помогла основать, убедили ее в том, что эдипов комплекс имеет более раннее происхождение, чем было принято считать. Она, по сути, смогла представить внутренний мир младенца уже полностью сложившимся до возникновения генитально-эдипального внутреннего мира. Этот мир характеризовался фанатазматической разработкой объектов, созданных путем проективной идентификации (распространение самости на объект по принципу сходства), тем самым формировались хорошие и плохие внутренние образы внешних объектов. Расщепление, предшественник вытеснения, стало необходимым, как она полагала, для того, чтобы не смешивать эти два класса внутренних объектов.

Расщепление как защита образует фантазию, посредством которой субъект может переживать состояние расщепленности или же переживать расщепление объекта, с которым он сталкивается. Мотивом для расщепления в первом случае может быть потребность в отделении удовольствия от неудовольствия, боли от комфорта, хорошего от плохого и т. д. Случай расщепления объекта, с другой стороны, связан с готовностью младенца к развитию амбивалентности: появляется потребность в различении качеств, приносящих удовольствие, и боли от фрустрации, вызванной тем же самым объектом. Таким образом, появляется потребность различать два разных существа внутри родительского объекта, и именно эта потребность выживания подстегивает к первоначальному расщеплению объекта на то, что Кляйн (Klein 1921) называла «хорошей грудью» и «плохой грудью».

С точки зрения патологии расщепление подразумевает опыт разделения или же самость, переживающую этот опыт. Патоло-

гическое расщепление также изменяет восприятие объекта путем неадекватных разделений, раздробления и фрагментации. Расщепление восприятия объекта также ассоциируется с расщеплением самости, которая делится по линиям, сопоставимым с расколом в объекте. Так, младенец может расщепить свой первичный объект на хороший и плохой; эти расщепленные объекты затем соотносятся с расщепленными самостями, которые соответствуют идентификации с соответствующим восприятием объектов. Акт расщепления может быть активным или переживаться как пассивный, и мы можем говорить о макроскопическом и микроскопическом расщеплении. Макроскопическое расщепление относится к таким явлениям, как раздвоение личности, тогда как микроскопическое расщепление — более тонкая вещь и может проявляться в множестве разных форм.

Один из самых распространенных примеров расщепления в ситуации терапии — это расщепление между образом аналитика, интериоризированным пациентом, и самим аналитиком. Когда пациент, который, например, «дал себе волю» на выходных, в понедельник утром приходит на сеанс, обычно есть расщепление между внутренним аналитиком, который был вместе с пациентом все выходные, и реальным аналитиком, которому еще предстоит услышать, что случилось с пациентом.

Мелани Кляйн обнаружила расщепление, возникающее в качестве защиты, использующей энергию влечения к смерти, и, исходя из этого, разработала идею ранней ментальной жизни, формируемой фантазиями, использующими *шизоидные механизмы*, которые характеризуются переживанием параноидальной тревоги. Сначала она назвала это *шизоидной позицией*, а позднее, приняв концепцию Фейрберна, *параноидно-шизоидной позицией* (Klein 1946). Шизоидные защиты включают в себя не только расщепление, но и проективную идентификацию, идеализацию и магическое всемогущее отрицание, все они используются для того, чтобы защитить младенца от чувства преследования плохими объектами. Шизоидные механизмы, согласно Кляйн, дают младенцу возможность отщепить и проецировать или со всемогуществом овладевать плохими объектами, перенеся их изнутри психики вовне.

Поскольку шизоидные механизмы никогда не бывают полностью успешными, младенец испытывает не только проективное

освобождение от объекта, но и идентификацию с объектом, на который он спроецировал плохой объект. Это будет легче себе представить, если рассматривать процесс расщепления и проективной идентификации в последовательности: а) отщепление плохого объекта от сознания (например, голод как плохая грудь), который затем проецируется вовне на внешний объект; б) интроекция результата этой транзакции, так что объект, на который была произведена проекция, теперь интериоризируется и занимает определенное место во внутреннем мире младенца. Младенец теперь содержит отщепленную часть себя самого, вложенную в объект. Этот феномен «слоев», согласно Кляйн (Klein 1946), является лучшим примером шизоидного состояния.

Важно отметить, что защитное расщепление, как оно передается термином *отщепленное* (split off), всегда предполагает вспомогательное участие проективной идентификации для того, чтобы переместить отщепленный аспект личности. Таким образом, в детстве и во младенчестве, когда трудно сформировать четко отграниченный, отдельный внутренний мир, бессознательный опыт расщепленности обуславливает высокую степень идентификации с объектами, на которые проецируются отщепления. Чувство «единства себя» (oneness) у младенца может быть распределено по многим объектам.

Значение защитного расщепления заключено в опыте столкновения с отчужденными аспектами себя. «Отщепленное» в действительности означает, что часть чьей-то сущности подверглась отчуждению мистификации, мифологизации и ре-персонификации — по сути, стала кем-то другим, чужеродным присутствием внутри. Термины «импульс», «влечение», или «часть самости» неадекватно передают глубину этого опыта. Термин «навязчивость» (compulsion), который на самом деле обозначает импульс «сверх-я», ближе к сути дела. Защитное расщепление — акт воображения, который передает отщепленным частям личности систему жизнеобеспечения с волей к жизни, которая затем реперсонифицирует это создание таким образом, что можно вполне принять его за кого-то другого — если бы не тот факт, что некоторая бессознательная, таинственная связь, очень похожая на дежа вю, сохраняется, вызывая агонию у расщепителя, которого преследует раскол, которые он не может ни вспомнить, ни забыть!

Радикальное расщепление, как оно рассматривается в пограничных и психотических случаях, может быть уподоблено средневековому состоянию, при котором хрупкая монархия связывает множество феодальных правителей в одно княжество. Если она ослабела или пала, независимые феодальные правители упрямо продолжают заниматься своими делами. Это можно наблюдать в аналитической практике, когда слышишь свободные ассоциации, кажущиеся почти бессвязными, смонтированными из отрывков речей различных субличностей, разговаривающих одновременно. Пограничные и психотические пациенты из-за неисправного барьера вытеснения могут демонстрировать более активную диссоциацию личности там, где есть либо взаимная несовместимость расщеплений, либо размножение расщепленных личностей, которые внешне сосуществуют без противоречий.

Некоторые клинические примеры

Есть, как я заключил, две основных категории расщепления: опыт расщепления и расщепление опыта. Первая может быть осмыслена как переживание происходящего расщепления, тогда как вторая представляет собой активную функцию отщепления опыта. Наше ощущение первородного единства (первичная идентификация) получает первый удар при ментальном рождении, которое может переживаться как резкое отделение от первозданного покоя. Этот первый опыт отделения от состояния первичной идентификации с проработкой повторяется в течение многих психоаналитических сеансов. У психотических и пограничных пациентов он обычно переживается как нарушение единства; вот пример более невротического случая.

Двадцатипятилетняя одинокая женщина пришла в анализ по окончании другого длительного анализа, который был во многих отношениях успешен, но не с точки зрения ее отношений с интимным объектом. После перерыва на выходные пациентка сообщила об ассоциациях, указывавших на крайне эротический перенос на меня. В то же время она заявила, что ожидание следующего сеанса было для нее настолько невыносимым, что она съела огромное количество печенья на своем

рабочем месте. Поедая печенья, она представляла, что каждое из них - «маленький Гротштейн». Сначала она почувствовала, что наполнилась мною, но потом ей стало плохо, потому что у нее были проблемы с весом и она знала, что печенья ей вредны. Позднее, подходя к дому, она страстно желала, чтобы кто-нибудь ждал ее там с горячим ужином. Затем ей стало грустно, и она позвонила матери, живущей в далеком городе; она сказала матери, как она ее любит и как скучает по ней.

Я объяснил пациентке, что ей было хорошо во время сеанса и что она не хотела, чтобы он заканчивался, потому что конец означал, что она почувствует себя отщепленной от меня, и мною, в холодной отделенности. Тогда ею овладело отчаянное (жадное) желание обойти отщепленное состояние расставания и вместо этого инкорпорировать меня при помощи всемогущего и идеализированного трюка с печеньями (расщепление опыта отщепленности). Поскольку это были всемогущие, подручные объекты-заместители, находившиеся целиком в ее власти, а не реальный опыт со мной, она почувствовала себя переполненной и плохой, как если бы тщетно пыталась избавиться (отщепить) от чувства тоски, говоря себе, что она наполняет себя мною (смещение инкорпорации и изымания). Затем, продолжил я, она смогла почувствовать, что то, что она сама сделала, — не очень хорошо, и к ней пришло осознание потребности в питающей груди, а не в изымающей, возбуждающей груди, использованной для амнезии.

В ответ на мою интерпретацию она признала ее правильность. Затем она вспомнила сон, который ей приснился в выходные: она испражнялась в лесу, было две кучи экскрементов. Она также вспомнила, что во сне отец разозлился на нее. Многочисленные ассоциации с этим сном в конечном счете заставили меня дать следующую интерпретацию: две кучи экскрементов были попытками изъять (отщепить) конфликт, связанный с ее потребностью расщепить ее предыдущего аналитика и меня параллельно ее потребности расщепить ее отца и мать. Дефекация в лесу подтверждает мою интерпретацию, согласно которой она чувствует себя отщепленной и оставленной под открытым небом, так что никто не позаботился об ее потребностях в изъятии по время выходных. Па-

циентка приняла эту интерпретацию и, кажется, поняла, что ее противоречивые чувства, по-видимому, сосредоточены вокруг различных аспектов расщепления.

Психотический пациент, чей прогресс в анализе, вызвал у него желание вернуться в родной город, из которого он бежал, когда у него случился психотический срыв, пережил серию эпизодов расщепления, характеризующихся следующим образом. Пропорционально испытываемому желанию вернуться в родной город он отщеплял свое желание продолжать «взрослую» карьеру в Лос-Анджелесе и анализ со мной, проецируя на меня свое чувство жадности, так что это я стал казаться ему человеком, который не хочет, чтобы он возвращался домой, и цепляется за него ради денег. С другой стороны, когда он хотел остаться в Лос-Анджелесе и продолжать анализ, он тоже производил отщепление и проецировал на меня те аспекты, которые подталкивали его вернуться в родной город, считая, что я сговорился с его отцом отправить его обратно на восток, потому что хочу от него избавиться. Чего пациенту в конце концов удалось достичь, с помощью аналитика, — так это состояния амбивалентности, в котором он осознал, что испытывает одновременно оба желания — факт, ставящий его перед переживанием невыносимого конфликта.

На этом этапе я дал ему интерпретацию, согласно которой он теперь вошел в контакт с убежденностью, что его потребности нанесли такой ущерб его матери и ее груди, что он подавил сознание своих потребностей, сгладив их и образ груди. Затем он изгнал их в свою негативную самость, чтобы навсегда о них забыть. Вслед за этой интерпретацией стали всплывать и другие воспоминания из периода амнезии.

Большая часть аналитических сеансов может рассматриваться как демонстрация расщепления аспектов самости и объектов пациента. Двадцатидвухлетней пациентке снилось, что я пришел к ней в квартиру лечить ее соседку по квартире, а не ее. Она была обижена и разочарована. Ее ассоциации привели к осознанию того, что ее соседка, которую она описывала как своего вялого и зависимого двойника, была противоположностью ее собственной более выраженной личности, доминирующей, агрессивной и

склонной к провокационному самоутверждению. Ее соседка представляла отщепленный аспект ее самой, более пассивную и зависимую самость, лучше сознающую свою беспомощность. С большой долей вероятности, хотя весь материал пациента и его снов может рассматриваться на разных уровнях абстракции, в конечном счете он, по-видимому, представляет в первую очередь расщепленные аспекты самости, а во вторую — расщепленные восприятия ее объектов.

Мой собственный опыт с пациентами любых категорий убедил меня в том, что люди вообще существуют в расщепленных состояниях сознания. Невротическая женщина, чей длительный анализ у меня подходил к концу, заметила, что теперь понимает, что была «вне себя» всю свою жизнь. Она полагала, что она была «сомнамбулой», кем-то, бредущим в тумане без доступа к своему общему сценарию. Она прозорливо заметила: «А переживала ли я свою жизнь? Действительно ли я присутствовала при том, как росли мои дети? Переживала ли я в реальности брак с мужем? И пережила ли я в действительности мой анализ с вами?».

Расщепление как базовый механизм «я»

«Именно расщепление, — пишет Ханна Сегал в своем «Введении в творчество Мелани Кляйн» (Segal 1964),

позволяет «я» возникнуть из хаоса и упорядочить свой опыт. Это упорядочение опыта, происходящее вместе с процессом расщепления на хороший и плохой объект, каким бы чрезмерным и радикальным оно ни было в начале, тем не менее, упорядочивает вселенную эмоциональных и сенсорных впечатлений ребенка и является предварительным условием дальнейшей интеграции. Это основа для того, что позднее станет способностью к разделению, берущей свое начало в ранней дифференциации хорошего и плохого. Есть и другие аспекты расщепления, которые остаются важными и в зрелой жизни. Например, способность к концентрации внимания, к приостановке эмоции для того, чтобы сформировать интеллектуальное суждение, не была бы достигнута без способности к временному обратимому расщеплению. (стр. 35)

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.